

УДК 94(470)"19"+321:330.342.14+101(091)

Ю.В. Куперт, А.В. Луценко

**РАБОТА А.А. БОГДАНОВА ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ
КУЛЬТУРНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРОЛЕТАРИАТА**

Рассматриваются причины глобальных перемен в буржуазном мире, проявившихся в доминировании финансового капитала. Следствием недостаточного внимания идеологов рабочего движения к характерным особенностям новой капиталистической системы явилось то, что внешний радикализм программ и лозунгов пролетарских партий не соответствовал тем процессам трансформации общества, которые на рубеже XIX и XX вв. явно не вписывались в прогнозы К. Маркса. А.А. Богданов первым уловил симптомы этих несоответствий, вылившихся в торжество принципа глобализации капитала в противовес принципу интернационализации обобществленного производства. Непонимание этого процесса привело к перерождению лидеров-марксистов в «социал-бюрократию».

Ключевые слова: финансовый капитализм, «социал-бюрократия», системный анализ, тектология.

Основоположник методологии системного анализа А.А.Богданов (1873–1928) с 1894 по 1928 г. скрупулезно исследовал причины глобальных экономических, социальных и политических потрясений капиталистического мира. Востребованность его работ была огромна: данные опроса, проведенного в 1903 г. в среде учащейся молодежи России, свидетельствовали о том, что Богданов – «наиболее читаемый автор-обществовед» [1. С. 77]. Интерес к его трудам не иссякал и в последующие годы, а круг его читателей неизменно и постоянно рос. Ученый нашел признание и за рубежом: произведения Богданова – научно-популярные, теоретические и литературные – были переведены на немецкий, английский, итальянский, японский, финский, польский и др. языки, а некоторые из его работ переиздавались многократно [2. С. 60]. Даже соратники, обремененные предвзятостью к идеям Богданова, видели в нем человека, «который по энциклопедичности своих знаний занимал исключительное место <...> среди крупнейших умов всех стран. Это – поистине редчайшее качество среди работников революции <...>. Естественные науки, математика, общественные науки имели в нем настоящего знатока, и он мог выдерживать бои <...> как “свой человек” в любой из этих сфер человеческого знания <...>. Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной “Красной звезды” – это во всех отношениях совершенно исключительная фигура <...>. Исключительная сила его ума, бурлившая в нем, благородство духовного облика, преданность идее» [3. С. 346] делали наследие Богданова притягательным для людей нового – научного – подхода к действительности.

Параллельно существовали и иные оценки, отражавшие крайне критическую реакцию на необычный диапазон интеллектуальной деятельно-

сти ученого, который, по мнению оппонентов, «гениальным образом» умел заимствовать «чужие» идеи, включая их в состав своих теорий. Одни недоумевали, другие возмущались по поводу того, что «механицизм, энергетизм, эмергентизм и монизм, дарвинизм, геккелизм, бергсонизм, махизм, марксизм, большевизм, тейлоризм, футуризм Уэллса» [4. С. 15] – все оставило отпечаток на обширном книжном наследии Богданова, особенно в части, которая касалась вопросов практической философии и социологических исследований. И все же по объективному счету у оппонентов не имелось убедительных причин обвинять Богданова в компиляции: движение вперед в любой области человеческой деятельности не может не опираться на уже имеющиеся открытия. Ученый считал: «наука та же», но там, «где меняется точка зрения на известное в ней, появляется новое слово в области человеческого знания» [5. С. 71]. Таким образом, Богданов, обращаясь к идеям предшественников, не ставил перед собой задачу «попользоваться» результатами труда других мыслителей во славу самого себя: его цель была быстрее и благороднее, а путь к этой цели более тернист, чем у других ученых.

Ученый отстаивал свою позицию аргументированно и последовательно: «Новая наука должна родиться из *нынешней* науки. Весь ее материал, все ее методы должны быть исследованы с новой точки зрения <...>. Нынешняя наука полна элементов науки будущего, как нынешнее общество включает в себе массу элементов будущего строя <...>. Наука есть коллективизм опыта. История поставила перед нашим поколением необходимую задачу: обобщить и обобществить организационный опыт человечества. Задача трудная, материал ее подавляюще громаден, самые прочные тради-

ции прошлого ей враждебны. Что же! Значит, эта задача не для робких и слабых» [6. С. 409–410].

Для Богданова актуальность поставленной задачи определялась новым соотношением сил в капиталистическом обществе, в то время как пролетарские вожди вычеркнули из планов теоретических исследований научный анализ перемен, связанных со вступлением капитализма в новую фазу развития – в фазу доминирования финансового капитала. Главной ее особенностью стало то, что широкая торгово-промышленная конкуренция уступила место борьбе немногих «монополистов» за господство в капиталистическом мире. Эта борьба оказалась «более острою и беспощадною», а противоречия углубились «настолько, что они врезались в самую базу общества» [2. С. 129], которое к середине XIX в. уже приспособилось к условиям индустриальной системы на Западе и не вполне осознавало суть начавшихся перемен, не предсказуемых по последствиям.

Вождями рабочих не учитывался тот факт, что в свое время классический капитализм получил толчок к процветанию не сразу после того, как стал мало-помалу рушиться привычный авторитарно организованный порядок жизни феодального мира. В тот период казалось, что жизнь продолжает идти своим чередом, хотя на широкий простор уже вышел буржуа с его по-боевому инициативным индивидуализмом. Вскоре самой заметной фигурой в обществе стала личность, жаждавшая перемен и независимости, тяготеющая, по определению Богданова, «к гражданской свободе, к научному исследованию, расширяющему опыт и разрушающему старые истины, к свободе мысли» [2. С. 73]. По крайней мере, именно такого сорта люди получили плоды победы над феодализмом. И как только эта сверхактивная сила обрела статус господствующей власти, побочным проявлением «разгула дерзкого ума» индивидуалистов оказалась дезориентация всей общественной жизни. Победившей буржуазии пришлось срочным порядком озаботиться решением этой проблемы в связи с тем, что «анархическое сотрудничество товаропроизводителей, их рыночная борьба, их освобожденный теперь индивидуализм сами по себе порядка не представляли, а в неограниченно последовательном развитии тяготели, очевидно, к голому беспорядку, в котором нормальная хозяйственная жизнь и развитие невозможны. Надо было во что бы то ни стало строить новый *порядок*» [2. С. 122].

А.А. Богданов доказывал, что гарантией жизнеспособности народившейся системы могло служить лишь то, насколько рационально победившая

сила подойдет к выбору старых базовых элементов, с помощью которых она сможет формировать принципиально новые сочетания организационных связей, заменяющих или дополняющих прежние. В случае с классическим капитализмом социальная сила, одержавшая победу, могла опираться только на «авторитет и индивидуализм – вот с чем должна была работать буржуазия, иных элементов она не знала <...>. Индивидуализм был ей близок и дорог, авторитет она внешним образом ниспровергла, но в себе самой очень многое от него сохранила, а тем более в отношениях своих к эксплуатируемым группам. А главное – из одних элементов индивидуализма построить порядка невозможно, значит, приходилось так или иначе комбинировать их с авторитарными» [2. С. 123]. В итоге наметились следующие основные комбинации факторов, определявших общественное мировоззрение, которое формировало внешнюю и внутреннюю политику. Наиболее распространенными оказались *либерализм*, предпочитавший компромисс между индивидуализмом и авторитетом, и *демократизм*, где принцип равенства был поддержан республиканским законодательством.

Именно эти два принципа организации общественных отношений упорядочили взаимодействие классов и даже позволили почти беспрепятственно просвещать рабочие массы, которые своим трудом поддерживали всю социальную систему, с чем господствующим силам приходилось теперь считаться. Важно было и то, что теоретические и учебные пособия, наподобие «Капитала» К. Маркса в Европе или «Краткого курса экономической науки» А.А. Богданова в России, получали разрешение властей на публикацию массовыми тиражами, а в них – ни много, ни мало – была дана в доступной форме опора «для объективного доказательства закона трудовой стоимости в капиталистическом обмене», поскольку именно «этот закон оказывается условием жизненного равновесия общества» [2. С. 114].

Благодаря ознакомлению с такими пособиями люди открывали для себя не только секреты обогащения хозяев-собственников, но и принципы взаимодействия работодателя с наемными труженниками. Кроме того, пропагандистам больше не требовалось сверхусилий, чтобы довести до сознания пролетарских масс, какие именно «линии развития» капитализма приведут, в соответствии с марксистской теорией, к социалистическому строю, а это и концентрация производства, и численный рост рабочего класса, и углубление неравенства между ним и господствующими классами, и кризисы, и тому подобные другие явления и

процессы, уже реально наблюдаемые в буржуазном мире. Казалось, еще немного, и наступит время торжества социализма, о котором давно грезил мыслители.

В западном обществе и на самом деле стало что-то необъяснимым образом меняться после ряда европейских революций. Но эти перемены были далеко не в лучшую сторону для большинства простых людей: привычный порядок начал исчезать, а либерально-государственная направленность в политической идеологии парадоксальным путем трансформировалась в весьма жесткие меры авторитарного регулирования общественной жизни. Соединение высоких технологий в промышленном производстве с оголтелым феодализмом в системе управления дополняло общую картину преобразований, которые явно не вписывались в рамки учения главного экономиста-теоретика эпохи – Карла Маркса. Однако вождей-идеологов это обстоятельство не смущало. В.И. Ленин, например, продолжал настаивать: «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*. “Механизм” общественного хозяйствования готов, надо только освободить его от тех, кто стоит над трудящимися» [7. С. 193].

С точки зрения Богданова, подобная ошибка представляла собой «досадное недоразумение» [6. С. 306], связанное с тем, что и пролетариат, и даже его вожди *не знали иного способа понять и объяснить суть переменчивых общественных процессов, кроме обращения к методам политической экономики в марксистском варианте*, которую воспринимали в качестве «какой-то всеобщей науки о хозяйстве» [6. С. 370]. По мнению ученого, для понимания особенностей промышленного капитализма и принципов взаимодействия классов-антагонистов в его условиях такое представление о политэкономии как науке было вполне допустимо, поскольку основной вопрос в этом случае касался сугубо «взаимных отношений между людьми в сотрудничестве и в присвоении» [6. С. 370], особенно когда речь шла об эксплуататоре-собственнике и эксплуатируемом пролетариате, который, не работая на фабриканта, не имел средств к существованию и которому в отличие от капиталиста действительно было нечего терять, кроме «своих цепей». В интерпретации Богданова, участие двух таких «контрагентов» в общем деле обоснованно рассматривалось как неравное партнерство поневоле, чреватое «организационной не-

устойчивостью» всей капиталистической системы. Поэтому классическая марксистская политэкономия разъясняла, в какой степени классовый антагонизм мог влиять на экономическую эффективность хозяйствования, возникновение кризисов и обострение классовой борьбы. В связи с этим при разборе характерных особенностей индустриального капитализма вполне естественным было «неточное употребление» понятий «экономический» и «хозяйственный» как синонимов [6. С. 306].

Однако методы классической политэкономии, по мнению Богданова, были недостаточны для исследования закономерностей финансового капитализма, который сформировался в Европе к середине XIX столетия, когда грозные революционные события стали утихать, заставив собственников основательно задуматься о сохранении своего господства и пойти на смену социальных технологий. В результате была внедрена довольно четко обозначенная упорядоченность производственных структур, где организованность выступала как особый атрибут, гарантировавший условия для сотрудничества по правилам, понятным для всех сопричастных к делу, но закреплявшим господствующее положение капиталиста. Последнее обстоятельство не волновало марксистов, которые пребывали в уверенности, что многочисленность пролетариата в сочетании с порожденной индустриальным производством рационально-технократической культурой сотрудничества все равно приведет к переходу власти в руки рабочего класса в самой ближайшей перспективе.

Однако, вопреки мнению лидеров пролетариата, картина трансформации капитализма на рубеже XIX и XX вв. *не соответствовала* прогнозу Маркса об естественном зарождении социализма в недрах капиталистического общества и неизбежной «экспроприации экспроприаторов»: несправедливый строй, якобы уже отживший свой век, по-прежнему твердо стоял на ногах и не собирался сдавать позиции, измышляя все новые и новые технологии управления буржуазным миром, в то время как последователи марксизма не могли найти надлежащее теоретическое освещение наблюдаемой эволюции индустриального общества. Признанные лидеры международного революционного движения были гораздо больше озабочены тем, чтобы партийные соратники – во избежание «шатаний», «размежеваний» и «уклонений» – рассматривали *все* вопросы, стихийно возникавшие в повседневной практике, сугубо с позиций ведущей пролетарской идеологии. Занятые «фракционными междуособиями» и полемическими боями с инакомыслием, они оказались банкротами перед ли-

цом кардинальных реформ в буржуазном мире, потому что в теоретических исследованиях на рубеже столетий так и не появился исчерпывающий ответ на весьма важные вопросы: почему произошло слияние промышленного капитала с банковским, кредитным? Каковы были действительные движущие силы этого процесса? Почему возникший финансовый капитал установил в крайне малые исторические сроки свой контроль над механизмами общественного производства и распределения, подчинив себе практически всю экономическую сферу жизни общества? Почему деятельность финансовых корпораций столь же быстро вышла за границы национальных государств и превратила интересы крупных собственников в весомый фактор международной политики? И т.д.

Большинство исследователей лишь констатировало факт, что данные процессы и явления действительно произошли, но в качестве их причины ученые упоминали, в лучшем случае, стремление капиталистов к максимальной прибыли, т.е. в качестве причин *объективных* социально-экономических событий указывали *чисто субъективный* фактор, признавая эволюцию капитализма на рубеже XIX и XX вв. результатом группового эгоизма сверхбогатых собственников. Из поля зрения идеологов революционных движений исключалось то, что организующие приспособления, с помощью которых общество избегало катастрофических потрясений, находились под контролем буржуазии. Остальные силы, начиная от пролетариата и заканчивая вождями либеральных и социал-демократических политических партий, были организационно несамостоятельны и вынуждены приспособляться к тем порядкам и законам, которые установил господствующий класс.

Для оценки причин перерождения капитализма в новое состояние требовался совершенно другой метод анализа – системный. Но в тот период методологией системного анализа владел только её создатель – А.А. Богданов, который ряд лет исследовал данный процесс, регулярно обращая внимание социал-демократов марксистов на то, что укрепление господства финансового капитала явилось результатом смены социальных технологий, направленных в первую очередь на нейтрализацию рабочего движения и – в перспективе – на установление тотального контроля корпораций во всех областях жизни общества.

По Богданову, особое положение в классе собственников заняли финансовые дельцы, поскольку именно кредитный капитал к началу XX в. получил стратегическое преимущество над другими видами капитала: во-первых, все операции с вир-

туально-символическими (или, в терминологии Богданова, «идеальными») ценностями осуществлялись значительно проще и быстрее, нежели с материальным имуществом; во-вторых, к началу XX в. дальнейшее расширение мировых рынков было уже объективно почти невозможным, что ужесточало и без того крайне острую конкуренцию между производителями товаров; в результате «при крайнем напряжении борьбы *между* промышленными предприятиями, кредитный капитал своей поддержкой или отказом в ней решал вопрос» [8. С. 450], устанавливая жёсткий фактический контроль даже над формально независимыми производственными единицами.

В результате сложилась особая система управления экономикой, поделившая всё громадное мировое хозяйство между несколькими десятками крупных финансово-промышленных корпораций (в тогдашней терминологии – «концернов»), имевших строго централизованную иерархическую структуру и способных действовать «поверх» существующих национально-государственных границ. «Щупальца концерна раскидываются по всей стране, а затем и по другим странам, нередко по всему миру, образуя прихотливую череполосицу со сферами власти и влияния своих и иностранных финансовых спрутов. Вне этих сфер не остаётся ни одно сколько-нибудь крупное предприятие; да в сущности и почти никакое мелкое, поскольку они повсюду эксплуатируются <...> торговцами и фабрикантами, неизбежно зависящими от кредита и банков. Такова структура мировой системы *извлечения прибавочной стоимости*. Но рядом с ней сохраняется другая, по существу своему *тоже экономическая* организация объединения капитала – государственная. Это не что иное, как организация *коллективного страхования капитала*» [8. С. 450–451]. Таким образом, декларативному лозунгу западной социал-демократии «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был противопоставлен нигде и никем не озвучивавшийся принцип объединения собственников для совместной защиты своих узкогрупповых интересов – принцип глобализации капитала в противовес марксистскому принципу интернационализации общественного производства.

Немалое значение для развития этих процессов имело в первую очередь именно параллельное сосуществование корпоративных и государственных организаций, объективно нацеленных на решение одной и той же задачи – на создание благоприятных условий для извлечения капиталистической прибыли – неизбежно вело к *параллелизму методов контроля* над социально-экономической

ситуацией – вернее, над теми её аспектами, которые могли влиять на размер получаемой и ожидаемой прибыли. Наибольшее значение в данных условиях имело введение в оборот большого количества различных виртуально-символических ценностей в виде бумажных государственных денежных знаков и разнообразных корпоративных ценных бумаг. Эти виртуально-символические ценности, которые Богданов называл «бумажным золотом» [8. С. 452], на деле представляли собой не что иное, как своеобразный «налог на покупательную силу населения – и на имущества, и на доходы одновременно» [8. С. 444], компенсировавший финансовому капиталу и обслуживающему его государству все издержки, и в особенности непредвиденные, вызванные экономическими кризисами. Контроль за обращением «бумажного золота» осуществлялся разветвлённой системой нормативно-бюрократического регулирования, которое и в государстве, и внутри корпораций подчинялось практически одной и той же системе авторитарно-принудительных организационных норм.

Усилению и углублению бюрократического контроля способствовало не только объединение активностей государственного чиновничества и руководящей верхушки корпораций, но и превращение лидерской части пролетарских организаций в специфическую группу, которую Богданов определял как «социал-бюрократию». Данным термином учёный обозначил тех авторитарных руководителей рабочего движения, которые специализировались на обеспечении формальной стороны функционирования своих организаций – в первую очередь, на ведении переговоров с собственниками предприятий, а также на представительстве интересов рабочих в различных государственных учреждениях, от судов до парламента. Формально социал-бюрократия противостояла финансовому капиталу и обслуживающему его государству, но и характер, и – главное – *методы* её деятельности объективно способствовали всемерному сближению социал-бюрократии с бюрократией корпоративной и государственной, поскольку руководители рабочего движения не просто представляли интересы пролетариата в буржуазных организациях, но *обеспечивали диалог* этих организаций с объединениями пролетариата и потому неизбежно усваивали выработанные буржуазией нормы рационально-правового, т.е. бюрократического взаимодействия со властью.

В этих условиях пролетариат, которому Маркс предрекал роль «могильщика буржуазии», оказался в социальной, политической и культурно-

мировоззренческой изоляции, углублявшей его разобщение по профессиональному и национальному признаку. Рабочее движение так и осталось формой коллективной стихийной реакции на действия господствующих классов, а провозглашённый социал-демократией идеал интернационального социализма не получил планомерного сознательного воплощения в жизненную практику.

Случилось это по двум причинам. В первую очередь Богданов обратил внимание на существенную *примету времени* – на расслоение рабочего класса «по двум тенденциям, его верхов и низов» [2. С. 100]. Если в XIX в. усилия марксистов направлялись на объединение пролетарских масс в интернациональное движение ради солидарных действий с целью низвержения несправедливого строя, то на рубеже веков, по мнению Богданова, было ошибкой опираться на «всеорганизаторскую» [2. С. 101] роль рабочего класса, поскольку к началу XX столетия пролетариат оказался искусно поделённым надвое – на «прикормленную» хозяевами «рабочую аристократию» и более угнетённые малооплачиваемые низы. Первая группа тяготела к сугубо буржуазной идеологии индивидуального успеха и признавала интернационализм лишь как вынужденную форму эпизодического объединения усилий в борьбе за ещё более благополучные жизненные условия, чем у неё были [6. С. 333], тогда как неквалифицированный пролетариат воспринимал идеалы интернационального коллективизма в той форме, которую Маркс называл «грубым коммунизмом», а Богданов – «социализмом дележа». Разница в культурно-мировоззренческом отношении сказывалась и в том, что верхи рабочего класса отстаивали свои интересы, действуя «в духе непрерывного компромисса, сглаживания выдвигающихся противоречий, дробного улаживания и приглаживания», а для пролетарских низов социальное переустройство сводилось «к вопросу материальной силы, к победоносной гражданской войне и захвату власти» [2. С. 101]. Вывод основоположника системного анализа был категоричным: «Пока эти две группы <...> разъединены организационно и идейно, до тех пор не может быть речи о пролетариате, как едином борющемся против капитализма классе <...> – вместо *суммы* сил рабочего класса перед нами их *разность*» [2. С. 101].

Мнение Богданова о том, что после смерти Маркса эволюция пролетарского движения пошла по пути, несовместимому с идеологией интернационализма, авангард рабочих партий оставил без должного внимания, хотя вопросы консолидации пролетариата и его подготовки к положению но-

вого «мирового хозяина, <...> организатора общества принципиально иного по строению и направлению жизни» [6. С. 322], были исключительно в компетенции идеологов-марксистов. Однако реакция партийной элиты на выводы Богданова не могла быть иной, потому что *второй приметой времени*, по мысли учёного, являлась «несоразмерная роль <...> “вождей” в рабочих организациях, унижающая пролетариат и поддерживающая в нём авторитарный дух повиновения и слепой веры» [6. С. 333]. Подобная авторитарная деформация не способствовала формированию новых социальных функций у пролетариата – он так и оставался пассивным исполнителем чужой воли, не видя для себя разницы в том, *чьи* властные решения обязан отрабатывать – собственников предприятий или партийных боссов. Такое положение масс вело к *минимализму* в идеологии даже передовых рабочих организаций: к началу XX в. оказалось, что «все их задачи, все их интересы лежат в пределах существующего строя, социалистический идеал пока лишь украшение их фасада» [6. С. 323]. Таким образом, разрыв между признанием особой исторической миссии пролетариата и умением её выполнить оставался по вине партийной элиты незаполненным, а внешний радикализм программ и лозунгов не соответствовал их внутреннему оппортунистическому содержанию, ориентированному не на отстаивание принципов интернационализма, а на непрерывный компромисс с капиталом и его государством [2. С. 101, 125 – 126]. Естественно, *такая* борьба общественных организаций была капиталистам скорее на руку, чем в ущерб. В связи с этим Богданов констатировал: стачечная борьба к началу XX столетия, продолжая наносить ущерб отдельным капиталистам, перестала вредить *классу* эксплуататоров в целом. Напротив, благодаря именно этой борьбе *общее накопление капитала* росло, потому что слабые предприятия исчезали, снижалась анархия производства и кризисные колебания, с обновлением оборудования повышались интенсивность и квалификация труда, – всё это было «важным плюсом. Не было само по себе минусом и возрастание политической силы пролетариата, раз она не могла прилагаться против самих основ буржуазного строя. Практически, социал-демократия оказывалась лишь наиболее последовательной и активной демократией, т.е. дело сводилось к поддержке наиболее прогрессивных течений самой буржуазии» [2. С. 128].

Таким образом, вся организаторская работа, осуществляемая лидерами западной социал-демократии того времени, объективно была на-

правлена не на углубление отмеченных Марксом тенденций к интернационализации и социализации производства, а на *консервацию достигнутого уровня рабочего движения* и его переориентацию в интересах господствующего класса. Это было величайшей ошибкой подавляющего большинства пролетарских вождей, для которых центральный постулат марксизма о всемирно-исторической миссии рабочего класса служил «абсолютной истиной». Уверенность в том, что «никакое божественное предвидение и никакое человеческое духовное превосходство не в силах преградить рабочим путь к господству над миром, если техника превращает их в материальных и духовных владык мира» [9. С. 21], привела к опасному заблуждению: внешние проявления демократизации развитых стран лидеры пролетариата принимали за предпосылки эволюционного преобразования мира в соответствии с теорией Маркса. Поскольку в европейских парламентских демократиях действительно наблюдались прогрессивные перемены в отношениях капитала и труда («признание рабочих организаций и даже фабричного законодательства как условий, противодействующих фактическому неравенству сторон» [2. С. 124]), то прямолинейная экстраполяция этих данных в ближайшее будущее трактовалась лидерами рабочих партий и профсоюзов как явный и большой шаг к окончательной победе пролетариата. Ошибочность подобных воззрений была доказана в ряде работ А.А. Богданова.

По его мнению, новый строй внес слишком много существенных перемен в социальную сферу, в характер и техническое оснащение труда, в развитие производственных технологий, в систему управления, в расширение транснациональных сетей обмена, в структуру общества и в содержание идеологических теорий. С точки зрения учёного, оценивая такое обширное «хозяйство», надо учитывать не только экономическую, но и техническую сторону, «причем вторая есть основная» [6. С. 306], а также все, что относится к области духовного развития, юридической осведомленности, идеологии, исторического знания и т.п., что определяет уровень «общественного сознания, вносящего планомерность и порядок в общественную жизнь» [6. С. 370]. Учёный считал: человеку и стране, чтобы не оказаться на задворках жизни и истории, необходимо соответствовать «социально-трудовому содержанию» [6. С. 306] мировоззренческих приоритетов современности. Все это требует «все-научного» [6. С. 307] подхода к решению поставленных задач, чтобы понимать и предвидеть ход истории.

Любопытно, но спустя почти 60 лет в лекции Фридриха фон Хайека, прочитанной 11 декабря 1974 г. при вручении ему Нобелевской премии по экономическим наукам, прозвучали такие слова: «Все же никто не может считаться великим экономистом, если он остается только экономистом» [10. С. 167]. Хайек постоянно подчеркивал и в других работах, что «понимание основополагающих социально-экономических вопросов недостижимо без расширения рамок междисциплинарного подхода к ним» [10. С. 166]. Создается впечатление, что он один в один повторяет мысли Богданова, но только в той части, которая касается применения марксистской теории как главного инструментария в оценке мировых процессов Новейшей истории. Анализ жизнеспособности разных экономических систем невозможен с помощью только марксистской методологии – не потому, «что она сама по себе плохая», а потому, что она «на долгое время лишила экономическую мысль важного импульса поисков, <...> сформировала установку: уж где-где, а в экономической науке все философско-социологические вопросы решены “суперклассиком”» [10. С. 166].

В начале XX в. за право высказывать подобную точку зрения Богданову приходилось биться в одиночку, отстаивая главный результат своей научной деятельности – всеобщую организационную науку тектологию, которую он сам определял как «всеобщее учение о формах и законах организации всяких элементов природы, практики и мышления» [2. С. 20], где общий подход к анализу процессов и событий основан не на «рассуждениях», а на связи тектологической науки и практики. Богданов эту позицию объяснял так: «Если известно *то, что есть*, и известно, *в какую сторону оно изменяется*, то наука *должна* сделать вывод о том, что из этого получится. Она должна сделать этот вывод для того, чтобы люди могли с ним сообразоваться, чтобы они не тратили бесплодно свои силы, действуя вопреки будущему, задерживая развитие новых форм» [6. С. 90]. Однако пока «познание разбито на отдельные специальности, каждая загромождена массой мелочей и тонкостей, для изучения каждой нужна чуть ли не целая жизнь» [6. С. 102], а у пролетариата не было, нет и не будет такой возможности в силу его всепоглощающей занятости производительным трудом, то в условиях динамического развития капитализма доступная форма изложения научных знаний делу не поможет. В новой ситуации требуется не только упрощение, но и объединение мирового научного опыта в единое целое – своего рода квинтэссенцию представлений о тех общих

способах исследования, «которые давали бы ключ к различным специальностям и позволяли бы быстро овладеть ими, – как рабочий машинного производства, зная по опыту общие черты и общие приемы его техники, может сравнительно легко переходить от одной специальности к другой» [6. С. 102].

А.А. Богданов с 1913 г. до конца жизни работал над всеобщей организационной наукой тектологией, изо дня в день подвергаясь чудовищной травле со стороны «критиков», даже не читавших того, что официально именовали «богдановщиной». Сам родоначальник системного анализа, зная реальную цену установленных им закономерностей (это – «не заблуждения, а научное открытие XX века» [2. С. 221]), весьма скромно относился к своей роли первооткрывателя организационной науки: «Мне удалось сделать в ней первые шаги, первые выводы. Без сомнения, она будет отлучена заодно со мною. Но это ничего не изменит. Она полезна и необходима; а поэтому будет жить и развиваться в коллективной работе мысли и сослужит свою службу человечеству» [5. С. 39]. Вера А.А. Богданова в свою правоту и в то, что суд истории «знает только объективную роль людей» [2. С. 221], обязывает потомков восстановить историческую справедливость и воздать должное ученому-энциклопедисту, самому активному из всех мечтателей об обществе «всенародной интеллигенции», способной самостоятельно и с научной достоверностью оценивать и предвидеть пути развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Любутин К.Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // Вопросы философии. М., 2003. № 9. С. 76–91.
- 2 *Неизвестный Богданов*: В 3 кн. Кн. 1: А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания, 1901–1928 гг. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. 252 с.
- 3 Бухарин Н.И. Памяти А.А. Богданова // Богданов А.А. Тектология: В 2 кн. М.: Экономика, 1989. Кн.2. С. 345–347.
- 4 Adams M. Red Star. Another Look at Alexander Bogdanov // Slavic Review. Champaign (IL), 1989. №1 (48).
- 5 *Неизвестный Богданов*: В 3 кн. Кн. 3: А.А. Богданов. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904–1914. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. 244 с.
- 6 Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
- 7 Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1962. Т. 34. С. 151–199.
- 8 Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. 496 с.
- 9 Гортер Г. Исторический материализм. 2-е изд. М.: Красная Новь, 1924. 170 с.
- 10 Задорожнюк И.Е. Нужны ли экономической науке философские знания? (К Нобелевской лекции Ф. Хайека 1974) // Вопросы философии. М., 2003. С. 164–167.